

А. В. Бабич

главный специалист Государственного архива Краснодарского края

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ КУБАНСКОЙ ЕПАРХИИ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 ГГ.

Окончание Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. ознаменовалось мощным религиозным подъемом и воодушевлением православного населения Кубани, для которого совпадение Великого и Светлого праздника Пасхи и дня памяти Великомученика и Победоносца Георгия, выпавших на 6 мая, а также всенародной Победы над фашизмом - 9 мая 1945 года, не было случайностью, а являлось промыслительным действием Божественной воли, вселяющей в православных кубанцев надежду на будущее. Поэтому неудивительно, что в это время все действующие храмы Кубани до отказа переполнялись верующими.

В десятки раз увеличилось и количество самих приходов. Если к 1941 году на Кубани оставалось всего 7 православных храмов, то к июню 1945 года на территории возрожденной епархии действовало уже 87 церквей и 154 молитвенных дома (всего 241 приход), открытых с августа 1942 года (ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 13. Л. 21). Наибольшее количество приходов в тот период было зафиксировано в 1947 году – 243. На тот момент в епархии служило 260 священников (в том числе – 34 в городах, 225 – в сельских населенных пунктах, 1 в рабочем поселке), 14 диаконов (в том числе – 7 в городах, 7 – в сельских населенных пунктах) и 36 псаломщиков, служивших в сельских населенных пунктах (ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 37. Л. 95).

В последующее время количество приходов стало медленно, но неуклонно сокращаться и к 1954 г. в крае оставалось уже 211 церквей и молитвенных домов, однако массовое их закрытие приходится на время правления Н.С. Хрущева и фактически охватывает период с 1955 по 1964 годы, в результате чего, по состоянию на 1 января 1965 г. в епархии осталось всего 76 церквей и молитвенных домов (ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 224. Л. 1-2).

Однако в то время всеобщим одушевлением были охвачены все – и прихожане, и священнослужители. так, 9 мая, после проведения торжественных митингов, по инициативе духовенства в храмах служились торжественные молебны. В ряде мест священники не только организовывали молитвенные собрания прямо на площадях, как например это было в станицах Динской, Лабинской, Подгорной, г. Тихорецке и др., но и выходили на трибуну, выступая перед верующими с пламенными речами и поздравлениями по случаю знаменательных событий.

В день Преполовления, праздник, отмечаемый на 25-й день по Пасхе, православному духовенству даже удалось в ряде мест организовать крестные ходы к водным источникам и колодцам. Такие ходы были проведены в станицах Холмской, Староминской, Усть-Лабинской, Воронежской, Некрасовской и др. А когда в мае – первой половине июня, на Кубани прекратились дожди, духо-

венство начало настойчиво добиваться от советских властей разрешения на проведение молебнов о ниспослании дождя с выходом в степь. Несмотря на противодействие власти, такие молебны состоялись в ст. Холмской, в г. Краснодаре (в Екатерининском соборе) и в других местах (ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 13. Л. 21).

Весьма любопытный факт приводит Уполномоченный и о событии, связанном со священником ст. Нововеличковской Михаилом Гавриком, который 10 мая прибыл в г. Краснодар в сопровождении группы женщин (около 30 чел.) с целью забрать у художника, изготовленную специально для его прихода икону Георгия Победоносца, с тем, чтобы крестным ходом нести ее прямо в молитвенный дом означенной станицы. Конечно же, после того, как об этом узнал благочинный протоиерей Н.Н. Бессонов и доложил епископу Флавиану (Иванову), крестный ход о. Михаилу был запрещен, но факт, тем не менее, остается фактом.

Ещё один не менее показательный случай: в ноябре Уполномоченный получил письмо от настоятеля Св.-Успенского молитвенного дома ст. Старотитаровской Темрюкского района, священника П.В. Кожевина, в котором настоятель жаловался на запрещение сельским советом отправления панихид на братских могилах, при этом он отмечал: «в Смоленске, где я служил [ранее], организации специально приглашают в праздники на братские могилы [священников], а здесь нельзя...».

В конце декабря 1945 г. церковный совет Св.-Покровского собора г. Кропоткина выразил желание организовать в Рождественскую неделю духовный концерт с целью сбора средств в пользу инвалидов Великой Отечественной войны и семей военнослужащих, однако, после того, как Уполномоченный отказал в рекомендации, концерт проведен не был.

В связи с проводимыми 10 февраля 1946 г. выборами в Верховный Совет СССР некоторые представители духовенства заняли активную политическую позицию: в ст. Ново-Донецкой Гражданского района, 10 февраля, после утренней литургии, находящиеся в храме верующие, во главе с церковным советом и настоятелем В.Г. Веприцким, в организованном порядке направились в избирательный участок (ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 13. Л. 32-33-об.).

Эти и другие примеры, не вошедшие в данную публикацию из-за ограниченного объема, весьма красноречиво повествуют о том, что настоятели приходов и церковные советы, в отличие от довоенного времени, не только стремились к активной социальной и политической жизни, но и ощущали себя полноценными гражданами СССР, приобщенными к гражданскому и культурному строительству.

В то же время православное духовенство, в лице своих передовых представителей, стремилось к осознанию довольно серьезных вопросов, имеющих прямое отношение не только к роли пастыря в духовной жизни, но и к роли православной церкви в современном им государстве.

Ярким примером таких настроений являются рассуждения благочинных Славянского (А.Н. Александрова) и Тимашевского (П.К. Коробчанского) окру-

гов, и по сути выражавшие мысли и чаяния многих других представителей духовенства Кубани, и, возможно, не только Кубани.

Так, благочинный Александр Александров, 1883 г.р., в отчете правящему епископу за 1945 год, последовательно излагал идею о необходимости воспитания таких пастырей, которые могли бы в полной мере удовлетворять духовные запросы верующих, что особенно важно теперь, когда «наступило время духовного возрождения, время пробуждения веры в народе».

«Наш народ, - пояснял при этом о. Александр, - алчет и жаждет слова Божия. В слове Божиим верующие находят для себя облегчение и успокоение своей мятущейся души. Мы, пастыри должны чувствовать и понимать то настроенные духовных потребностей своих пасомых, какие они предъявляют нам и всеми силами стараться удовлетворить их духовные запросы. Могушественным средством к достижению и удовлетворению этой главной цели пастырства, - служит проповедывание слова Божия, составляющее непрменный долг пастырей, их необходимую обязанность «Горе нам, если не благовествуем»... Пастырь церкви, как страж и хранитель душ постоянно должен быть вооружен «мечом духовным», т.е. словом Божиим для защиты себя и своей паствы от всевозможных нападков со стороны неверующих и всевозможных сектантских лжеучений, которые микробами своего учения стараются насыщать и отравлять атмосферу православия, ведя против последнего самую яростную борьбу.

Отсюда [следует] – какое важное значение в современной жизни имеет церковная проповедь. Слово Божие – есть пища питательная и сладостная, и ею пастыри должны питать свое стадо, и, в то же время, и сами пастыри должны питаться этой пищей. Многие пастыри ссылаются на то, что у них нет никаких пособий и руководств, чем бы они пользовались бы при составлении своих проповедей. Правда, принимая во внимание современных наших пастырей, которые (большинство из них) без богословского образования, им трудно без пособий, они не могут правильно построить свою речь, - нет у них общей схемы или плана, по которому бы они правильно строили свою проповедь. Такое практическое пособие особенно на первых порах необходимо для начинающего проповедника. Какой выход из этого положения. Я думаю, я уверен, что в каждом приходе среди верующих можно подыскать книгу пастырских собеседований и поучений и по ним строить свою собственную проповедь.

Пастырь-проповедник раз и навсегда должен отказаться от крайне вредного предрассудка, будто бы проповедь его должна отличаться всеми свойствами и приемами ораторской речи и напоминать собою проповедь великих церковных витий нашей церкви. Наоборот – слово, речь, беседа или поучение христианского проповедника, должны быть краткими, простыми, согретыми любовью, отеческим наставлением, на которое способен всякий истинный душепастырь. Итак, мы, пастыри, должны стряхнуть с себя этот мертвенный сон безучастия и беспечности, который овладел большинством из нас. На нас, пастырях, лежит священная обязанность стать на страже веры и нравственности. «Аще соль обуюет, чем осолится»... Если мы, пастыри, не будем на высоте своего пастырского долга и если мы опустим руки, помощи ждать неоткуда...».

Развивая мысль А. Александрова, благочинный П.К. Коробчанский, 1874 г. рождения, (к моменту составления отчета Уполномоченным, т.е. к апрелю 1946 г., арестованный органами МГБ) в своем обращении к приходам Тимашевского благочиния от 10 февраля 1946 г., ставил вопрос еще шире, заявляя следующее: «Русская православная церковь в дни скорби нашего Отечества проявила свой патриотизм, этим она заслужила внимание к себе Правительства, которое и дало ей свободное существование. Во время же строительства государства церковь наша должна внести в него свою идею, христианскую, чтобы мир души и тела был во всем мире». Таким образом, мы видим, что если священник Александров призывает духовенство к духовно-нравственному воспитанию народа, то Коробчанский уже ставит вопрос о влиянии церкви на государство, призывая «внести в него христианскую идею».

В действительности же христианская идея присутствовала в русском народе все эти трудные годы, все то время, когда церковь запрещалась и подвергалась гонениям, иногда подспудно, нередко где-то глубоко в подсознании. Когда же наступила пора еще более тяжелых испытаний, и вопрос о существовании Русского мира был поставлен в его шекспировском варианте – «быть или не быть», именно тогда идея эта вышла из подсознания человека и утвердилась внутри советской реальности в виде церковного строительства и духовного созидания.

В этом плане показательна судьба многих священников и мирян, возрождавших храмы, воспитывающих детей в духе русского православного самосознания, созидавших империю духа. Таких примеров можно привести великое множество. Так, священник М.В. Спасский, 1877 г.р., окончивший в дореволюционный период историко-филологический факультет Варшавского университета и Московский археологический институт, долгое время работавший преподавателем истории, а в феврале 1946 года, под влиянием тяжелых переживаний, связанных с Отечественной войной (он потерял на фронте двух сыновей) принял сан иерея и служил священником в Св.-Успенской церкви г. Новороссийска. При этом М. Спасский не только рассматривал Русскую Православную церковь «как могучую силу, с помощью которой можно влиять на массу, и направлять ее в духе преданности Родине...», но и являлся весьма яркой, харизматической личностью, идейно преданным церкви и глубоко убежденным верующим человеком.

Священник К.П. Ильяшов, 1873 г.р., выходец из простой крестьянской семьи (арестован в июле 1945 г. «за антисоветскую деятельность») служил в Св.-Георгиевской, а затем в Св.-Троицкой церквях г. Краснодара. Будучи священником вел активную работу по привитию как взрослым, так и детям религиозных навыков, обучал их, порою целыми часами и даже днями, правильной молитве, убеждал регулярно посещать храм Божий, вместо того, чтобы ходить по театрам и кино.

Такие же батюшки, как Р.И. Тихов, 1887 г.р., с незаконченным семинарским образованием, в прошлом священнослужитель, затем рабочий, счетовод, в послевоенный период настоятель Михайло-Архангельской церкви в ст. Мартанской Горячеключевского района; Г.Ф. Фартушный, 1888 г.р., в прошлом

полковой писарь, затем регент и священнослужитель, в указанный период священник Троицкого молитвенного дома ст. Гастогаевской Варениковского района; А.Г. Журавлев в прошлом медработник, затем бухгалтер, - священник Георгиевской церкви гор. Кропоткина и многие другие, выполняя требы, не просили за этой никакой платы или же получали какие-то жалкие гроши, что, учитывая голодное послевоенное время, можно расценивать как реальное подвижничество (ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 28. Л. 11-14; Д. 81. Л. 29-53).

И, конечно же, ярким примером священника, отдававшего себя без остатка служению людям, был Леонид Федорович Дмитриевский (1900-1960), выпускник Казанской духовной семинарии, священник с 1904 года, в советское время побывавший в Соловецком лагере особого назначения, а после освобождения в декабре 1942 года, начавшего вместе с прихожанами, в тяжелейших условиях военного времени, восстановление православного Св.-Троицкого прихода в г. Армавире. «Священник Дмитриевский совершенно не думает о личной жизни, - рассказывали о нем прихожане, - он служит до изнеможения; были случаи, когда [он] падал [в обморок]. О пище не беспокоится... Группа верующих взяла на себя попечение о его питании и отдыхе. Он никогда не требует денег за требы, а из получаемых много раздает нуждающимся. Он – настоящий святой».

За свои заслуги перед отечеством и церковью протоиерей Леонид Дмитриевский был награжден: в 1907 году набедренником, в 1908 г. – бархатной скуфьей, 16.04.1929 – наперсным крестом с украшениями, 27.07.1932 – митрой; 17 октября 1946 г. священнику Леониду Дмитриевскому, в здании Краснодарского крайисполкома, вместе с другими представителями православного духовенства Краснодарского края, была вручена медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (Кубанский календарь на 1913 год. Екатеринодар, 1913. С. 276; Кубанский календарь на 1914. Екатеринодар, 1914. С. 262; Кубанский календарь на 1915. Екатеринодар, 1915. С. 208; Кубанский календарь на 1916 год. Екатеринодар, 1916. С. 188; ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 1. Л. 32, Д. 28. Л. 20, 127; Д. 47. Л. 39, Д. 56. Л. 55, 88.; Оп. 2. Д. 275. Л. 10; Именитые граждане г. Армавира. Историко-биографический словарь. Армавир, 2000. С. 24.).

Из представленного материала становится очевидным, что временное примирение Советского государства с Русской Православной Церковью, способствовало возрождению Кубанской епархии и вдохновляло православных священнослужителей не только на создание новых приходов, но и открывало перед ними перспективу внедрения христианской идеи в ее православном понимании в сознание советского народа, к тому времени уже изрядно уставшего от атеистической пропаганды и поддерживаемой государством идеи безбожия, однако, как показало будущее, надежды эти в конечном итоге не оправдались, а наступившая «хрущевская оттепель» закончилась мощной пропагандистской войной государства с православной церковью, приведшей к массовому закрытию церковных общин как в СССР в целом, так и на Кубани в частности.

Статья опубликована в материалах XVI Международной научной конференции «Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков (Иваново.

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет, Свято-Алексеевская
Иваново-Вознесенская Православная Духовная семинария и др., 2017 г. Часть
1. Стр. 38-44)